

Ушел крупный экзистенциальный мыслитель, не написавший ни единого трактата ни по философии, ни по психологии.

Ушел человек, которому нужнее было не самому «раскрываться», «прославляться», «самореализовываться» и «самоактуализироваться», а помогать другим людям обретать уверенность в своих силах, обретать надежду на то, что из любой сколь угодно сложной жизненной ситуации есть достойный выход.

Ушел представитель когда-то тщательно истребляемой в Китае миньской императорской династии.

Ушел человек, веривший в то, что человеческая дружба может быть сильнее государств, культур, цивилизаций, времен, пытающихся друзей разделить и противопоставить друг другу.

Он никогда не бил себя в грудь как невинно пострадавший от репрессий времен «культурной революции» — «невозможно прожить жизнь и не получить вызовов судьбы; так было всегда, главное — найти достойный ответ».

Чем он был известен у себя на родине? Обычный профессор, которых тысячи, старичок-энтузиаст, певший в хоре ветеранов Пекинского государственного университета.

Между тем для тысяч простых китайцев, студентов, молодых бизнесменов, начинающих ученых, преподавателей — он стал заботливым отцом, искренне болеющим их жизненными сложностями, вытаскивающим после падений, помогающим стать на ноги, обрести свою жизненную стезю.

1992 год. Он обращается ко мне с просьбой. Я помогаю ему и его товарищу, молодому китайцу, встретиться с нашим знаменитым философом-культурологом-литературоведом, профессором Г.Д. Гачевым. «Зачем тебе эта встреча?» — «Чтобы мой молодой друг, китайский философ, укрепился, увидел, что не боги горшки обжигают».

1996 год. Он обращается ко мне: «Помоги этому молодому бизнесмену выехать в Россию». — «Зачем тебе это?» — «Его возлюбленная уже здесь. В Китае им не дают соединиться, быть вместе, рожать и растить детей».

Лагерное прошлое научило его быть осторожным. 1996 год. Мой визит в Китай. Он просит прочитать лекцию для студентов по даосизму. «Ты не ошибся? Может, по христианству?» — «По даосизму. Мне эту лекцию читать опасно, у нас у власти коммунисты, а ты иностранец, с тобой ничего не случится», — и потом, подробно и мягко, что конкретно нужно рассказать им.

2011 год. У меня предложение: я могу провести в Китае экзистенциальные группы с использованием Житий Святых, а он или его ученики — чтобы переводили. Он долго молчал, а потом передал ответ с моим другом, встретившимся в Пекине с ним. Смысл ответа — время не то, слишком опасно популяризировать сейчас в Китае идеи иной культуры, опасно и для переводчиков, и для участников.

Он когда-то поразил мое воображение своими предсказаниями, неожиданными предсказаниями. Шел 1990 год. Он сказал мне, что я буду христианином, и это определит мою жизнь. Потерявшемуся в жизни бывшему вундеркинду, руководителю маленькой лаборатории он предсказал, что тот станет крупным чиновником, одним из руководителей страны. В 1991 году предсказывает невероятно талантливому молодому философу, что тот будет очень состоятельным человеком. «Ты что, видишь будущее? — «Нет, конечно, но мне очень хочется укрепить человека. Я ищу, что его может укрепить, поддержать». Он был как «комната счастья» в фильме «Сталкер» А. Тарковского, которая угадывала и исполняла тайные желания заходивших в нее людей.

Я люблю на группах рассказывать следующую историю. 1992 год. Мы идем с моим другом, китайским профессором-русистом по Москве. Около Белорусского вокзала объявление: открылся новый магазин «Путь к себе». Объясняю — там литература и всякие принадлежности для буддистов и прочих восточных религий, а также для людей, которые собираются оказывать людям психологическую помощь на основе всего этого. Он слушает меня и удивляется: «Почему это назвали “Путь к себе”»? — «А как надо бы?» — «Конечно, “Путь от себя”».

В 1993-м он приехал в Вильнюс, на апрельский семинар А.Е. Алексейчика. Перед семинаром — малые группы. Мы с ним пошли с утра на телефонный переговорный пункт и опоздали на малую группу. Приходим — люди, опоздавшие, стоят у двери и идет разборка. Я ему объясняю, в чем дело — он кивнул, понял. Стоим минут десять, он тянет меня за рукав: «Я пошел садиться». Когда он прошел через комнату и сел на свободный стул, то все замерли; потом ведущая спрашивает его, почему он сел. Он отвечает, что, мол, опоздал, виноват; никто не говорит, на сколько; тогда сам решил, что на десять минут стояния виноват, отстоял свое, пошел и сел». Ведущая спрашивает: «А почему другие стоят?» Он говорит: «Не знаю почему, почему вы здесь так живете; хотят стоять — вот и стоят».

Он никогда не хвастал, между тем именно он когда-то в Советский Союз принес цигун, ушу, тайдзицюань, обучил им сотрудников ЦНИИ спорта Госспорткомитета СССР и через них десятки тысяч наших соотечественников. Его не трогало, когда другие китайцы и приглашающие их фирмы пытались ради пиара присвоить это себе. Именно он помог написать нашим экономистам первые монографии об экономических реформах в Китае. Именно он помогал нашим лингвистам переводить с древнекитайского. Именно он «заразил» Льва Гумилева китайской историей и готовился вместе с ним писать его последнюю книгу.

Он часто улыбался. Но я помню: единственный раз, когда он недоумевал и смеялся одновременно — когда англичане отказали ему в визе (он хотел побывать в гостях у дочери). «Ты представляешь, они думают, что я захочу там остаться!» Как у Набокова: «Они думали, что рай — это колония Великобритании».

Когда мы с ним прощались (как выяснилось, навсегда), он сказал мне о себе:

«Я — посредственность как лингвист, другие знают значительно больше языков, чем я;

я — посредственность как переводчик, ничего особенного я ни с русского на китайский, ни с китайского на русский не перевел;

я — посредственность как цигунист (есть действительно великие мастера, а я кто такой перед их лицом?);

я — посредственность как экономист, я только прочел книги по экономическим реформам в Китае и пересказал их российским коллегам;

я — посредственность как историк, мало что знаю по истории Древнего Китая, и это малое пересказывал у вас;

но, когда я окидываю взглядом свою жизнь, то вижу, что в общем получилось неплохо».